

Полина В. Колозариди

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия

Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания

Статья посвящена анализу специфики интернет-исследований (Internet Studies) как междисциплинарного направления социальных наук, которое сочетает в себе академический и прикладной элементы. Автор показывает, что эволюцию этого направления целесообразно изучать через историю организаций, занимающихся проблемами взаимосвязи интернета и общества. В первой части статьи предложена периодизация истории направления, разграничивающая его зарождение, институционализацию и разделение на новые исследовательские «сферы»: цифровые исследования, онлайн-исследования, исследований данных. Вторая часть статьи рассматривает специфику знания, которое производится в интернет-исследованиях. На материалах исторического анализа и интервью автор устанавливает, что в данном случае нельзя говорить о «научном знании» с единой теоретической базой и жесткими дисциплинарными границами. Ключевым свойством интернет-исследований оказывается совпадение предмета и объекта, и сами исследователи считают свою деятельность со-производством интернета через производство знания о нем. Таким образом, речь о знании, которое в большей степени связано с объектом своего исследования, чем с дисциплинами, чьи теоретические или методологические ресурсы привлекаются. Автор предлагает понятие «исследовательского знания», которое не является научным, не претендует на дисциплинарное развитие, «совпадает» внутри и вне исследовательской организации. В заключение автор демонстрирует, что интернет-исследования можно понимать как способ получения социального знания, связанного с конкретными видом изменений, а именно — с социально-техническими трансформациями, обусловленными интернетом.

69

Ключевые слова: интернет, интернет-исследования, социология знания, социология организаций, исследовательское знание

Полина Владимировна Колозариди — кандидат социологических наук, интернет-исследователь. Координатор Клуба любителей интернета и общества, научный сотрудник НИУ Высшей школы экономики. Научные интересы: интернет-исследования, интернет, социология знания, история технологий. E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com

Polina V. Kolozaridi — PhD in sociology, internet researcher, coordinator for club for internet and society enthusiasts. National Research University Higher School of Economics. Research interests: internet, internet studies, sociology of knowledge, history of technology. E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com

*Polina V. Kolozaridi, NRU "Higher School of Economics", Moscow, Russia
Internet Studies: Historical Review and Analysis of the Knowledge Production*

This article problematizes Internet Studies as a sub-discipline in social research. Internet Studies is an interdisciplinary research field encompassing both academic and non-academic research focusing on the internet and societal issues. The key institutions where Internet Studies develop tend to either be university-based or independent. The article focuses on these organizations and aims to reconstruct their history and areas of research as well as the type of knowledge they produce.

The first part of the article is more descriptive and historical, explicating how Internet Studies developed. The author suggests a classification of three key periods of Internet Studies development: the emergence, institutionalization and development of sub-fields, e.g. data science, digital research of different objects such as death, childhood, humanities, arts, and online-research.

The key finding of this analysis is that in the internet studies there are no strict boundaries between the theoretical and empirical object. The researchers consider themselves to be co-producers of the internet. The second part of the article problematizes this type of knowledge that is constructed in internet studies, and this part is mostly based on interviews with researchers. The author brings out an idea, that internet studies does not have strict epistemological borders and strong theoretical or methodological limitations; it therefore cannot justifiably be called scientific.

70

As such, the meaning of knowledge becomes problematic. To address this problem, the term "research knowledge" is introduced. This type of knowledge is not scientific, it does not pretend to be disciplinary and is the same inside and outside the organization and in its products.

In conclusion, the findings of this research aim to contribute to the development of Internet Studies as a sub-discipline — a sub-discipline which does not aim to study an entity but a transformation of social life due to the internet.

Keywords: internet, internet studies, organisational sociology, sociology of knowledge, research knowledge

doi: 10.22394/2074-0492-2018-3-69-92

Каждый год я спрашиваю у студентов, помнят ли они звук модема. Обычно получаю положительный ответ. Но однажды я окажусь в аудитории, где ответом будет недоуменное молчание. Я также предполагаю, что часть читателей не поймет этих строк. Впрочем, не стоит недооценивать нелинейность технологических перемен. Может статься, звучащий модем переживет и меня, и интернет.

Интернет пережить несложно, он находится на грани исчезновения практически с момента собственного появления. И речь не о политических запретах, скорее, о том, что этому феномену свойственны постоянные и очень значительные трансформации. Когда в нулевые я начинала заниматься интернетом, там еще была

анонимность и уже были фотографии котов. Едва ли пользователи тех лет сочли бы разумным транслировать свою жизнь 24/7 в формате сториз. Чем-то подобным тогда занимались в телевизоре: существовал формат реалити-шоу, ныне истребленный Ютубом. Но тогда подобных платформ не существовало, зато был некий «общий» с блогосферой интернет. В 2018 году все наоборот.

Трансформации медиа-ресурсов могли бы с успехом зафиксировать история технологий и медиа-археология. Но помимо этих дисциплин существует направление интернет-исследований (Internet Studies). В отличие от исследований города и медиа, ее не столь широко преподают в университетах. Однако интернет-исследования могут существовать при академических институтах и отдельных организациях, в названиях которых обычно есть словосочетание «интернет и общество». В рядоположенности этих явлений проявляется претензия не только и столько описать интернет как социальный феномен, сколько на то, чтобы описать общество вместе с интернетом. Следует ли из этого, что интернет столь значим, что заставляет иначе смотреть на общество, подобно городам, гендеру или медиа?

В отличие от городов, интернет не имеет устойчивой структуры. В нем нет идеологической подоплеки, которую выявляют исследователи гендера в объекте своего изучения. Наконец, интернет не претендует, в отличие от медиа, на экспансию: мы не можем объяснить интернетом то, что раньше с ним не было связано¹.

Может быть, само существование Internet Studies обусловлено лишь конъюнктурой сегодняшнего дня? Нужно же кому-то производить знание про интернет, которое будет востребовано теми, кто принимают решения, а также поставлять пищу для ума читателям газет. Наконец, это удобный полигон для уточнения или опровержения активистских гипотез о расцвете демократии и прозрачности (или, напротив, ее закате в силу тотального контроля).

Приписывать интернет-исследованиям роль «институционализируемого сомнения» может оказаться плодотворной и интересной идеей, но в этом тексте я предлагаю в исторической перспективе посмотреть на *устройство* интернет-исследований, чтобы понять, что именно они производят. *Устройство* — в данном случае широкое понятие, сочетающее историю, самоописания и собственно структуры, в которых производятся знания. Сама по себе идея такого решения основана на нескольких подходах, которые нередко применяли к самому интернету. Самые известные исследования такого рода

1 Имеется в виду, что понятие медиа используется в том числе тех явлений, которые существовали давно в истории, например, «революции Гутенберга» [Маклюэн, 2004].

проводили Патрис Флиши и Робин Манселл, изучая воображаемое интернета (*imaginaries*) и проводя анализ организаций, управляющих интернетом [Mansell, 2012] и посвященных ему публикаций в СМИ [Flichy, 2007]. Я предлагаю подобным же образом посмотреть на производство знания об интернете, существующего в рамках интернет-исследований. Отличие этого подхода в том, что основной фокус этой статьи — на исторической канве и организационных условиях производства знания об интернете. Тем не менее, я полагаю, вслед за Шейлой Джазанофф, что воображаемое неотделимо связано с условиями (устройство организаций и т. п.), в котором оно возникает, и они совместно участвуют в производстве знания [Jasanoff, 2004].

72 Эмпирические основания этого исследования — история организаций, занятых интернет-исследованиями, то, как они представляют собственную деятельность (в программных документах и прочих текстах), а также как деятельность в организациях отдельных исследователей соотносится с их личной историей (в интервью). В своей работе я использую материалы проекта, который мы начали с коллегами в Центре изучения интернета и общества в 2013 году, а затем я продолжила в своей диссертации, защищенной в 2017. В фокус внимания попали центры интернет-исследований, существующие в разных странах и возникшие до 2016 года (на тот момент их было обнаружено 113). Я взяла 16 полуструктурированных интервью у исследователей интернета, как сотрудников упомянутых центров, так и работающих по своему направлению в университетах, а также работала с материалами хэнббуков и открытыми переписками ассоциации интернет-исследователей.

Закономерно предположить, исходя из названия, что организации, занимающиеся интернет-исследованиями, производят интернет в том смысле, в каком любая наука производит свой предмет и метод. Интернет в их случае оказывается и объектом, и предметом. Но интернет-исследования похожи на прикладные исследования не в меньшей степени, чем на научные. Они реализуются в отдельных центрах, хотя и связанных с университетами, но чаще всего не через факультеты или кафедры (по крайней мере по состоянию на 2018 год). Параллельно возникают куда более агрессивные направления вроде аналитики больших и сетевых данных (*data science*), сетевые исследования (*web science*) [Berners-Lee et al, 2006], которые отчасти связаны с интернет-исследованиями, но отличаются от них: они решительно называют себя науками и порой бросают вызов социальным наукам [boyd¹,

1 Подробнее о том, почему дана бойд пишет свое имя с маленькой буквы и просит с уважением относиться к ее выбору, можно прочитать здесь: <https://www.danah.org/name.html>

Crawford, 2012]. Одновременно существует широчайшее поле исследований «цифрового»: детства, экономики, политики, инфраструктуры, общества, науки и так далее. Интернет-исследования даже при поверхностном рассмотрении не похожи ни на первые, ни на вторые.

Чтобы разобраться со спецификой явления, нам нужно будет обратиться к истории организаций, которые изучают, согласно собственным названиям, «интернет и общество». После рассмотрения исторических и эмпирических данных я перейду к теоретическому осмыслению, а затем к критическому анализу интернет-исследований и отчасти — других исследований, связанных с цифровыми технологиями и данными — в социальных науках наших дней.

Что такое интернет-исследования?

Не всякое исследование, которое работает с интернетом, — интернет-исследование. Социолог может брать данные для анализа, например, отношения к гендеру, на онлайн-площадках и не считать себя интернет-исследователем. Правда, уже у этого воображаемого социолога при высоком уровне рефлексии могут появиться сомнения: оправданно ли соотносить споры в ВКонтакте с разговорами в парке? Уместна ли метафора интернета как пространства? Можно ли рассматривать разговор в интернете как взаимодействие или мы можем отнести к его материалам как к архиву? При это, любой из вариантов ответа даже на один только последний вопрос повлечет за собой значительные последствия в смысле научной этики (например, решение вопроса о том, какой должна быть анонимизация при работе с онлайн-этнографией или онлайн-интервью). И не менее значительные — в плане методологии.

Интернет-исследователи рассматривают интернет не как обстоятельство, сопутствующее их научному интересу, а как его основной предмет. Эта ситуация характерна для всех studies, особенность интернет-исследований лишь в том, что этот предмет — крупный и изменчивый, и из-за технологической, и из-за социальной составляющей. И хотя год за годом разнообразие интернета лишь растет, эта область не растворяется, и интернет-исследователям удается удерживать в рамках своего интереса самые разные вещи.

Задачи интернет-исследователей разнообразны и зачастую продиктованы полями или институциями, с которыми связаны сами исследователи. Часть их вопросов связана с тем, что происходит в интернете как отдельном пространстве¹, достойном исследова-

1 Может показаться, что интернет-исследователи задаются вопросом, что происходит в интернете, и это, конечно, банальность. Но этот вопрос пред-

ния, и что это говорит нам об интернете и людях. В качестве примера можно привести исследование даны бойд и Элис Марвик [2011], в котором они ставят задачу: понять, как организованы аудитория и границы частного/публичного в интернете. На материалах твиттера авторы разрабатывают понятие разрушения контекстов (в интернете мы не вполне понимаем, в каком контексте оказывается наше сообщение, и как его воспринимает аудитория. Таким образом, происходит *разрушение контекстов* (context collapse), которые обычно помогают сделать сообщение более точно направленным), теоретически основываясь на подходах Гоффмана, Гарфинкеля и Мейрвица. У социологов такие работы вызывают массу нареканий из-за смешения теорий, но бойд и Марвик удается продемонстрировать ряд инструментальных способов различать частное и публичное в интернете. Статья написана в 2010 году, и уже тогда пользователи, бизнес и сами исследователи работали с разными взглядами на проблему частного/публичного характера информации, которую мы оставляем в интернете. В эпоху платформ этот вопрос стоит еще острее: как определить, кому могут и должны принадлежать данные? На работу бойд и Марвик нередко ссылаются — в том числе вне академической среды, говоря об амбивалентности частного/публичного в интернете (например, в маркетинге [Smith et al, 2012]).

Еще один пример интернет-исследования — работа Катрин Тииденберг о селфи, где автор демонстрирует политические, социальные и технические составляющие феномена. Автор пишет об эмансипации через селфи или активистские селфи, но этой книгой она эмансипирует и само явление, [Tiidenberg, 2018]. Для своих задач Тииденберг весьма свободно — инструментально — пользуется понятием практики и теоретическими основаниями символического интеракционизма.

Исследование об управлении интернетом Эпштейна, Музиани и Катценбаха, наоборот, ставит строгую концептуальную задачу: продемонстрировать эвристический потенциал STS для изучения управления интернетом (internet governance) и решения проблем в этой области. Но цель этой статьи — внести вклад не в исследова-

---

полагает, что исследователи воспринимают интернет определенным, и небезальтернативным образом: как пространство. Между тем, по крайней мере возможны и другие метафоры, например, метафора инструмента. Важно, что именно такое изучение интернета: как пространства, становится важным, в частности, для различения происходящего «в интернете» и «в офлайне». Это может иметь и эпистемологические, и например, юридические последствия, если речь идет о митингах (примеры приводят, например, Радченко и ее соавторы в статье 2017 года [Радченко, 2017]).

ния науки и технологий, а в то, как возможно понимать интернет и управление им (с включением инфраструктуры, материальности и так далее) [Erstein et al, 2018]. В целом для интернет-исследований работа с материальностью становится все более важной, и по темам, например, конференции ассоциации интернет-исследователей¹ можно увидеть, как нарастает интерес к инфраструктуре, по мере того, как в жизни мегаполисов она, напротив, все больше «растворяется» в повседневных практиках.

Однако магистральные темы интернет-исследований — это то, что делают люди в интернете, и как интернет существует среди других технологий, медиа и институций (если речь идет об управлении, например).

Если читать статьи по интернет-исследованиям как отдельные тексты, мы видим, что при всей разнородности их объединяет рефлексия о сущности самого интернета. Предлагаемые решения могут различаться, но практически всегда интернет-исследователи определяют в своих текстах, что такое интернет, для чего он существует, и как связан с другими исследовательскими объектами как сущность, самостоятельное явление — интернет, а не только как фон или «место»². Как мы увидим ниже, эта рефлексия распространяется на объект и предмет больше, чем на метод.

75

Обзор литературы

В англоязычном мире есть несколько терминов, которые связаны с изучением интернета: *internet studies* (их я и перевожу как интернет-исследования, по аналогии с медиа-исследованиями), *internet research* (их правильно было бы назвать «исследованиями с помощью интернета», подчеркивая их инструментальный характер), а также *internet science* (интернет-наука, этот термин иногда используется в связи с деятельностью команды американских и немецких исследователей из журнала *International Journal of Internet Science*, хотя в 2000-е годы термин был распространен больше). Кроме того, есть сетевая наука (*web science*) и сетевые исследования (*web studies*), отличающиеся от них исследования сетей и социальных сетей (*network analysis/social network analysis*), онлайн-исследования (*online research, e-research*), цифровые науки, исследования, гуманитарные и социальные науки (*digital science, research, humanities, social sciences* соответственно). В русском языке лишь

1 Крупнейшее объединение интернет-исследователей. Сайт доступен по адресу: <https://aoir.org/>

2 Такая оптика дает и возможность критически смотреть на метафоры.

отчасти сохраняется все то же разнообразие, и оно накладывается на постсоветский контекст, в котором социальные науки существуют не всегда в связи с глобальной научной повесткой. Следовательно, разнообразие ширится еще больше. В каждом из перечисленных смежных полей рефлексия собственных задач и предмета кажется еще менее разработанной, чем в интернет-исследованиях.

Впрочем, и интернет-исследования не могут похвастаться большим количеством публикаций, в которых бы проводилась рефлексия поля изнутри. Существующие работы не связаны полемикой, а описывают и проблематизируют разные элементы интернет-исследований. Так, Барри Веллман выделяет три эпохи интернет-исследований: «утопическую» (интернет представляется иной реальностью, в которой социальные отношения неизбежно изменятся), «эпоху подсчетов» (исследователи заняты изучением пользователей и подключенного населения) и наступающую «эпоху пользователя», где интернет предстает индивидуальным для каждого пользователя [Wellman, 2004]. В статье 2011 года Веллман развил это разделение, показывая, что поворот к пользователю связан с социальными сетями, а точнее, с тройной революцией, которая делает интернет частью повседневности: доступные смартфоны, быстрая и недорогая связь, социальные сети [Wellman, 2011].

76

Аннет Маркхэм почти параллельно писала о том, как в интернет-исследованиях складываются определения и исчезает гибкость подходов внутри направления, присущая 1990-м. Дисциплина, говорит Маркхэм вслед за Мишелем Фуко, есть власть над языком. Создание строгих определений и фиксация круга допустимых/недопустимых тем показывают, что интернет-исследования становятся дисциплиной [Markham, 2005]. Впрочем, статья Маркхэм не создала большой академической дискуссии. В то же время вышла и другая статья, критически рассматривающая дисциплинаризацию интернет-исследований [Wagon, 2005], но едва ли мы можем рассматривать эти два текста как сознательный отказ поля от оформления в традиционном ключе, скорее как важную рефлексию в ходе этого процесса институционализации. Препринт Сони Ливингстон, посвященный интернет-исследованиям, написан в том же 2005 году и на двух кейсах предлагает объяснение роли интернет-исследований: как критического направления, которое позволяет понимать социальные изменения, не следуя простым объяснительным моделям, таким как жесткий технический детерминизм или политизированным суждениям. При этом, по мнению Ливингстон, интернет-исследованиям удается удерживать и работу с эмпирическими исследованиями, и теоретическую обоснованность, и рефлексию социальных изменений, важных для критических исследований [Livingstone, 2005].

В предисловиях к хэндбукам по интернет-исследованиям разные авторы представляют очень разное видение того, что составляет их предмет. Уильям Даттон, директор Оксфордского интернет-института, в оксфордском же сборнике говорит об интернет-исследованиях как о сложившемся поле, актуальность которого обусловлена социальными задачами. Интернет, по его словам, является очень важным феноменом (социальным, а не эпистемологическим) и его исследования делятся на три тематических кластера: технологии, пользовательские практики и политики [Dutton, 2011]. В предисловии Чарльза Эсса и Мии Консалво к хэндбуку, вышедшему годом позже, звучит совершенно другая, скорее эпистемологическая позиция: авторы не определяют сущность самого направления, но утверждают, что появление интернета переопределило повестку исследований в науках об обществе и культуре; их хэндбук — попытка описать те изменения, которые произошли и происходят в исследовательских подходах [Ess, Consalvo, 2012]. Также ряд работ посвящены учету тематических направлений внутри интернет-исследований [Peng et al., 2011] или утопическим основаниям, которые находятся в основании этих подходов [Колозариди, 2015].

На русском языке мне известна только один — вполне представительный обзор интернет-исследований [Рыков, Нагорный, 2017]. Этот текст описывает интернет-исследования как явление внутри социальных наук, но не схватывает их широкого развития, нередко выходящего за рамки социологии и связанных с ней направлений и не вполне понимаем критерии выбора авторов и публикаций, достойных попадания в обзор. В результате они предлагают различать два теоретических основания интернет-исследований: концепция сетевого общества и критическая теория общества [Рыков, Нагорный, 2017].

Итак, внутри самих интернет-исследований нет выраженной в публикациях полемики о том, что представляет собой это направление. Разные исследователи рефлексиируют разные аспекты, которые представляются им важными в ходе анализа развития, но вероятно, в основном эта рефлексия происходит вне научных публикаций.

Предыстория больших надежд

Интернет часто называют самосбывающимся пророчеством (например, [Mogozov, 2012]). Действительно, возможные последствия его возникновения обсуждались задолго до того, как стали массово пользоваться компьютерами (даже в крупных городах западных стран). Первые исследовательские центры, которые изучают не только устройство технологий и инженерные решения, но и со-

циальные аспекты их внедрения и взаимодействия человека с техникой, появились еще в середине XX века. Это исследовательские центры при корпорации IBM, центр The Institute of Computing Technology при Китайской академии наук, американский центр The Networking and Security Group. Наконец, в 1980-е годы возникла исследовательская организация при Массачусетском технологическом институте, которая со временем превратилась в известную и влиятельную MIT Media Lab.

Слово «интернет» было в начале 1990-х мало распространено, но потенциал компьютеров, связанных между собой, понимали как специалисты в области коммуникаций и медиа, так и инженеры, которые занимались взаимодействием человека и машины. В этих первых центрах начал формироваться интерес к социальному аспекту этого взаимодействия. В публикациях о технологиях передачи данных стали также проблематизироваться практики пользования компьютерами (индивидуально и в группах). Вне всякого отношения к интернету через изучения взаимодействия человека и машины оформились две исследовательские подтемы: изучение взаимодействия человека и машины (HCI) и исследования пользовательского опыта (user experience research). Вторая тема востребована в маркетинге, особенно у корпораций, первая — более академическая и разнообразная, но есть и случаи их сочетания, такие как работы Люси Сачман [Suchman, 1987].

78

Однако интернет оказался не «просто технологией». Утопические идеи, государственные задачи и антиутопические опасения питали интернет с одной стороны, все более совершенные технические решения — с другой. Наконец, каждая страна по-своему развивала и управляла сетевыми технологиями. Интернет как Мировая сеть (world wide web с протоколом TCP/IP) появился как раз к финалу Холодной войны. Один из главных документов 1990-х годов, связанных с интернетом — Декларация независимости киберпространства, написанная активистом Джоном Перри Барлоу. 1 сентября 2018 года система поиска академических публикаций Google Scholar находит на нее 1592 ссылки. Это представляется достаточно большой цифрой для неакадемической публикации, а активистского манифеста. Но с некоторой вероятностью ее цитируют так же, как и в этом тексте: как исторический материал. [Barlow, 1996].

По окончании Холодной войны казалось, что мир движется в одном «идеологически верном» направлении: развивая либеральную демократию. Интернет — в силу своей способности связывать — казался идеальным инструментом на разных уровнях: от обеспечения образованием людей с ограничениями мобильности, вынужденных не выходить из дома, до обеспечения возможности онлайн-собраний в обществах, где ограничена свобода собраний.

Один из моих собеседников в 2015 году закончил интервью о том, что важно в интернет-исследованиях, словами *«Идет битва между добром и злом. И знание, знание о себе, о том, что человек делает и представляет собой, рациональность — они на стороне технологий, и я верю, что этот прогресс (социальный, прим. авт.) возможен» (Ш., Австрия-Великобритания)*. Иными словами, потенциал интернета как технологии, меняющей социальный мир, не исчез с ее развитием. Но исследования значительно изменились.

Институционализация

До конца 1990-х годов самих интернет-исследований как институционализированного направления, впрочем, не существовало. Это понятие долго (отчасти до сих пор) использовалось наравне с «internet research» и другими понятиями, перечисленными в начале предыдущей главы. Возможно, оно и не возникло бы в том виде, в котором существует сегодня, если бы не ассоциация интернет-исследователей (AOIR), несколько исследовательских центров и авторов, которые стали олицетворять собой это направление. В социальных науках к исследованиям в интернете относились с подозрением: *«Смешно подумать, на самом деле, сегодня, потому что сегодня, по крайней мере в Англии, в Европе, в Америке, все помешаны на цифровом, то есть сейчас есть big data, digital societies, digital futures, а когда я приехала сюда 12 лет назад, начала писать докторскую, я начала взрывать в эти киберпространственные темы. Во-первых, никто не понимал, о чем я. Мои научные руководители не имели ни малейшего понятия об этой теме. Я создала группу докторантов и преподавательского состава со всего университета, чтобы мы могли почитать, reading group такую, потому что практически никто этим не занимался. И было, с одной стороны, незнание того, что я делаю. Это была кафедра социологии, а не Communication Studies. Может с Communication Studies было бы легче. Но в общественных науках была подозрительность. Мне говорили: “а откуда Вы знаете, что люди Вам не врут? А в интернете же анонимно”» (А., Великобритания)*.

79

По данным интервью, представители AOIR организовали ежегодную профильную конференцию, так как на крупных научных мероприятиях, например, по медиа и социальным наукам, посвященных интернету секций просто не было. Постепенно AOIR стала значимой, а ее участники публикуются в ключевых международных журналах, возникших и набравших академический вес в последние 20 лет.

Аннет Маркхэм, которая сама участвует в интернет-исследованиях с 1990-х годов, объясняет само использование слова «интернет» стремлением работать с широким полем и не следовать строго

академическим путем: «Исследователи порицают использование термина “интернет” как упрощающего множественность социальных и технических аспектов, связанных с информационными и коммуникационными технологиями. Но несмотря на это порицание, термин продолжает использоваться как зонтичный, создавая ясную форму для понимания своего объекта. Так обстоят дела, и это не пессимизм, а реализм. Привычка важна для людей, и “интернет” — это удобный способ обратиться сразу ко многим явлениям. Он становится сокращением, общим понятием для бесконечного количества особенных, чувствительных к контексту явлений» [2005, с. 259]. И тем не менее, власть над объектами социального мира, связанного с интернетом, по мнению Маркхэм, долго не была сосредоточена в четком наборе определений. Имеется в виду, что власть дисциплины над миром — это появление определений, которые становятся частью общественной жизни. Но постепенно интернет-исследования теряли стали более жесткими и институционализированными.

80

На рубеже тысячелетий начался подсчет пользователей, в терминологии Барри Веллмана. Pew Internet Research, крупный американский поллстер, открыл подразделение по изучению интернета, в Британии и в России возникли тематические опросы и чуть позже — аналогичное подразделение в Фонде «Общественное мнение». Аудиторию интернета стали измерять, она обрела значимость для коммерческих компаний и политиков. Наконец, в 2001 году был основан Оксфордский институт интернет-исследований (ОИ): он работает и с министерствами, и с бизнесом, но при этом остается академическим проектом с собственной повесткой. Эта повестка подробно описана в двух книгах, изданных ОИ. В Оксфордском хэндбуке сказано: «практики, верования и отношения, возникающие вокруг использования <интернета>, актуализируют все новые темы: будущее приватности, свобода высказывания, качество новостей и развлечений, природа и распределение занятости. Это и заставляет расти направление интернет-исследований... [2013]. Ни в одном другом хэндбуке, выпущенном в те же годы (Internet Research, Hunsinger, Internet Studies, Ess & Consalvo), эта социальная повестка так настойчиво не акцентировалась».

Позже при Гарварде открылся влиятельный центр Беркман и Кляйн, начав свою деятельность с более узкой темы — интернета и права; ее актуальность очевидна для самых различных стейкхолдеров в силу появления новых типов лицензий, очевидного влияния интернета на право. Центр известен не только правовыми исследованиями, в нем занимаются и политическими темами, разработкой методологических приемов.

Большинство исследовательских центров открывались при университетах, но есть и независимые структуры, а также организации

при корпорациях. Microsoft открыл восемь таких центров, большинство из которых связаны с инженерными и математическими исследованиями, но есть и социальные, в том числе влиятельные в академической среде. В одном из них работает упомянутая выше дана бойд. Мои информанты из крупного исследовательского центра в университете, впрочем, отзываются об исследователях из бизнес-среды неоднозначно: *«У них есть огромные возможности доступа к данным, и конечно, они проводят выдающиеся исследования, но при этом не делятся своими ресурсами <...> Их исследования сложно проверить и повторить»* (Р. и И., США). По их словам, корпорации находятся в очень выигрышном положении, обладая доступом к данным и ресурсам, но при этом они не связаны обязательствами, присущими для академической среды. Впрочем, основное неприятие моих собеседников вызывала именно политика корпораций, закрывающих данные для ученых, а не деятельность ученых внутри корпораций.

В целом, хотя институционализация интернет-исследований происходила в рамках социальных наук в академической среде, интерес и критика по отношению к корпорациям неслучайны. Благодаря изучению организаций мы видим почти парадоксальное сочетание немалого количества исследовательских центров при корпорациях, и развитие критики внутри интернет-исследований: по отношению к технологическому детерминизму, высказываниям, в которых политические и эпистемологические основания подменяют друг друга, наконец, немалая роль критической теории самой по себе [Livingstone, 2005].

81

Сетевой, цифровой, онлайнный, электронный интернет и возвращение утопий

Квалификация исследователей интернета в основном — это социальные науки, исследования коммуникаций и медиа. Новое междисциплинарное направление открыло возможности успешной институционализации. Этому способствовала специфика университетских центров в 1990-2000-е годы, где на квантификацию показателей эффективности [Лиотар, 1998] накладывалась усиливающаяся бюрократизация [Грэбер, 2016]. Но для нашего вопроса важны еще два обстоятельства: институционализация интернет-исследований происходила в условиях высокой требовательности к увеличению публичного и в целом внеакадемического влияния, связанная с так называемым «обществом знания» или «экономикой знания», требующей все большего вовлечения исследователей в производство разнообразного продукта и ускорения темпов работы [Vostal, 2016]. И второе: квантификация этого продукта, в том числе в социальных науках, связанная с необходимостью представлять данные об эффективно-

сти для разных аудиторий (см, например, работу [Bastow at al., 2014], примечательную не только своими выводами, но и формой представления, с множеством инфографики и почти журнальной версткой).

Междисциплинарность и доступность данных в интернете совпали с появлением нового мощного направления — сетевого анализа и исследования данных. Если следовать техническому детерминизму или даже более мягкой теории аффордансов [Norman, 1999] стоит искать предпосылки в том, что Барри Веллман и Ли Рэйни называют тройной революцией, которая делает интернет частью повседневности: повторимся, это — дешевые смартфоны, быстрая и недорогая связь и социальные сети [Wellman, Rainie, 2011]. Организационные обстоятельства появления этих направлений я описывала выше.

82 В любом случае, ситуация, в которой оказались исследователи в конце 2000-х годов, выглядела так: люди вступают во взаимодействие с различными интернет-сервисами, можно сказать — начинают жить в интернете или с интернетом. Поскольку их действия и высказывания фиксируются, возникает удобное исследовательское поле. В 2000-е годы в США появилась лаборатория Барабаси, где собрались социальные ученые, биологи, инженеры, математики. Похожие лаборатории стали возникать при крупных североамериканских университетах (например, Social Media Lab, Cornell или Social Media Lab в Торонто). Конец 2000-х годов открыл Клондайк для исследователей: данные доступны, их обработка несложна, этических ограничений мало, результаты выглядят многообещающе.

Параллельно стала важнее и вторая составляющая, актуализирующая интернет-исследования: вроде бы оставшиеся в 1990-х утопические идеи¹. Однако воодушевление быстро сменилось ностальгией по иному гипотетическому интернету: свободному, доступному, меняющему отношения между людьми к лучшему, неподвластному государствам [Nye, 2004]². Стали возникать специализированные направления — изучение онлайн-смерти, политических движений, возникают альянсы интернет-исследований и цифровой гуманитаристики. Появляются Death Online Research, Center for Digital Ethics and Policy и другие центры с узкой повест-

- 1 Нередко это соотносят с Арабской весной, движениями #оссиру, распространением социальных сетей как части президентских кампаний сначала в США и в других странах (например, [Aogagh, Alexander, 2011]).
- 2 И в академических публикациях, и в СМИ во второй половине 2010-х годов начали говорить о Сноудене, Китае, России, фейковых новостях и информационной гигиене. Но моя полевая часть пришлась на период, когда утопия еще была актуальней разочарования, поэтому мне удалось зафиксировать ее возвращение.

кой. *«Раньше Интернет был только инструментом, способом получения доступа, и я занималась тем, как люди работают с этой инфраструктурой. <...> Сегодня про Интернет вообще не стоит говорить, мы изучаем «цифровое» в широком смысле»* (С., Великобритания).

Интернет-исследования стали к концу 2000-х годов глобальным исследовательским направлением. Профильные центры есть практически на всех континентах, хотя большинство находятся в США. Крупнейший новый центр 2010-х годов — Alexander von Humboldt Institut für Internet und Gesellschaft (HIIG) — открылся в Берлине, но его сооснователем выступил Google; повестка институции так же связана с политикой и глобальными переменами.

По словам одного из моих респондентов, исследования интернета и политики имеют сильный демократический потенциал. Исследователи, по его мнению, не могут действовать на политические условия напрямую: *«Наши решения рассматриваются в аналитических отчетах, но очень опосредовано, так что мы не ведем политической деятельности. Но ведем публичную»* (С., Индия).

Действительно, интернет-исследования, будучи уже вполне состоявшимся направлением, сохранили три важных элемента, существовавших еще на заре появления технологии: это участие активистов, сочетание социального и технического¹ и некоторую зыбкость определений. Общего корпуса текстов, где эти определения могли бы возникнуть, не сложилось, и мои собеседники не высказывали по этому поводу сожаления: *«К счастью, я не должен читать много книг про Интернет, поэтому могу сказать, что на меня больше всего повлиял Фуко, Грамши, я читаю книги по семиотике, Греймас, Бахтин — этих авторов»* (Г., Италия-Великобритания).

83

Исследовательское знание

Лиа Ливроу, описывая научную коммуникацию, различает два уровня взаимодействий. Первый — это микровзаимодействия между исследователями, в которых создается научный продукт. Второй — представление знания публике, организованное через медиа и протекающее в масштабных взаимодействиях ученых (как института), публики, политиков и медиа [Lievrouw, 1990]. Конечно, оба уровня связаны: необходимость представлять результат коллегам и миру задает рамки исследований, результаты требуют новой формы презентации. Такое описание коммуникации, основанное в том числе

1 В целом это можно считать свойством любой технологии, но интернет в силу своей не вполне материальной структуры, состоит из пользовательских действий и контента.

на ключевых к тому времени ANT/STS-исследованиях, конечно, продиктовано, кроме прочего, тем, как в этих направлениях принято изучать разные способы коммуникации: производство изучают в лабораториях, презентацию — в медиа и взаимодействии с публикой.

В интернет-исследованиях «лаборатории» в классическом смысле нет. Мы имеем дело с материальным производством текстов¹ и рефлексией участников этого производства. В отношении интернета и медиа такой подход достаточно распространен: их изучают не столько как технологию, сколько как комплексное явление: состоящее из инфраструктуры, медиа, пользовательских действий, политических решений и воображаемого [Mansell, 2012, Flichy, 2070].

Именно воображаемое как понятие, важное для интернет-исследований, позволяет понять, почему исследователи видят себя со-производителями не только знания о технологии, но и самой технологии [Jasanoff, 2004]. Мои собеседники, так же как архивные материалы позволили соотнести это с двумя обстоятельствами. Прежде всего они говорили о возможностях, которые дает людям интернет, и видели своей миссией их систематизацию, анализ и описание². Один из информантов использовал для подобного описания процитированную выше метафору «битвы добра со злом», где добро связано с рациональностью и технологиями. Другой начал интервью словами: «Да, я технический детерминист и многие этого не любят. <...> Но я уверен, что интернет изменит науку» (В., Великобритания). Это высказывание объясняется тем, что интернет возникал как активистская и университетская технология, меняющая (фактически или потенциально) саму структуру знания и работы с данными. Резюмируя, по мнению моих собеседников, способы, которым они исследуют интернет, укрепляют его значимость³. Это означает, что

84

- 1 Чаше всего оно проходили индивидуально; в исследовательских центрах, где мне довелось быть (Оксфорд, Гарвард, НИИГ в Берлине) общее пространство — это зал для встреч разной степени официальности и кухня. Сотрудники либо сидят в кабинетах, либо вовсе работают из дома.
- 2 Описание социальной роли интернета имплицитно, а порой и открыто присутствует и в описаниях исследовательских центров, и в представлении повестки исследователей, и в статьях, и в переписках, например, «Центр стремится улучшать технологии и право, поддерживая решения, которые ведут к развитию демократических ценностей» (Стэнфорд). Нельзя сказать, что все самоописания центров таковы, но совпадение этих презентационных текстов и интервью по крайней мере не было ожидаемым в рамках этого исследования.
- 3 Интересно, что это говорили не только те, кто работает с big data и другими новыми и популярными подходами, но и качественные исследователи, этнографы и т. д. Для них, правда, фокус смещался на этический и политический аспект исследований.

изучая интернет, они делают сам объект сильнее, и это оказывается не побочной задачей, а одной из ключевых тем в нарративах моих собеседников.

Такой фокус на интернете, а не теории объясняет и больший интерес к предмету и объекту, чем к институциональному оформлению исследовательского поля и дисциплины, и более высокую солидарность с разными акторами в нем, не только исследователями. Этот вывод звучит революционно для дисциплин, но если рассматривать его в контексте исследований (например, гендерных или городских), он скорее суммирует их особенности.

Тем не менее, для описания такого вывода достаточно сложно найти теоретическую рамку. Традиционно такой способ объединения укладывается в понятие трансдисциплинарности как продукта и способа взаимодействия между академическими учеными и практиками, смеси научного и обыденного знания или «тройной спирали»: «кооперации науки, государства и промышленности» [Абрамов и др., 2015, с. 129]. Но рефлексия междисциплинарности предполагает, что научное знание противопоставлено любым иным типам знания, именно оно оказывается источником проблемы. В интернет-исследованиях, как мы видим из обзора выше, только Аннет Маркхэм [Markham, 2005] проблематизирует отношения с теорией. Как отмечает в своей статье Нэнси Бэрон, для таких направлений как интернет-исследования, развивавшихся на рубеже тысячелетий, вопрос о дисциплинарной принадлежности не стоял так остро, поскольку университеты тех лет не тяготели к дисциплинарной строгости [Wagon, 2005].

85

Таким образом, вывод о сосредоточенности интернет-исследований на своем объекте, а не дисциплинарном знании позволяет сформулировать концепция исследовательского знания как подвид знания организационного. Такого рода знание вписано как в практики сотрудников той или иной организации, так и в продукт, который эта организация производит [Cook, Brown, 1999]. Рассматривая исследовательскую организацию как посредника, где бы она ни находилась, в университете или за его пределами, мы наблюдаем меньшую значимость «дисциплинарной чистоты», чем в традиционной ситуации дисциплинарной власти, как в социологии или антропологии [Lavis et al, 2003].

Ограничения

У моего исследования есть серьезное ограничение: оно сфокусировано именно на институционализированной части интернет-исследований. По исследовательским центрам, хэнббукам и конференциям, даже по переписке участников AOIR сложно составить

представление о полноте структуры направления. Конечно, интернет исследуют и те, кто работает на факультетах или независимые исследователи, фокус на организациях дает некоторый сбой.

Когда я начинала исследование, мы вместе с коллегами проводили опросы участников AOIR с целью оценить известность тех или иных исследовательских центров и узнать о новых, неизвестных нам институциях. В качестве опросного инструмента использовался список центров, о которых мы так или иначе знали. В результате мы получили возмущенное письмо одного из респондентов. Его автор указывал, что мы не разобрались в материале, не упомянули ряд важных центров (мы упустили их, поскольку в их названиях отсутствовало заветное словосочетание «интернет и общество»), зато включил в список несколько «плохих» институций. Это письмо стало для меня важным аргументом, чтобы продолжать исследование именно в таком ключе: обращаясь к истории, в которой есть место в том числе центрам, которые сегодня считаются «некондиционными».

86 Есть и другое важное ограничение: я уделяю довольно мало внимания тому, как складываются рутинные организационные практики: процедура подачи заявок для сотрудничества, организация исследований, пребывание в исследовательских центрах или участие в конференциях — все эти операции, безусловно, важны для темы моей статьи.

Работа, лежащая в основе этой статьи, проведена мной в рамках написания кандидатской диссертации на факультете социологии. К концу этого процесса я и сама стала представляться интернет-исследователем. Важно упомянуть, что для диссертации я использовала собственное интервью, которое взял у меня коллега. Хотя прямые цитаты не вошли ни в одну публикацию, мне показалось это необходимым, чтобы отделить себя от объекта исследования и вместе с тем, понять, что я не могу находиться вне поля, которое исследую.

Заключение

Интернет-исследователи представляют себя как своего рода посредники между интернетом и обществом. Роль посредника внутренне противоречива, поскольку он со-конструирует интернет и создает новые способы его критического анализа. При этом интернет-исследования не проясняют, какие именно эпистемологические и политические вызовы возникают по отношению к своему второму объекту, обозначенному в названиях изучаемых организаций: обществу. С одной стороны, интернет-исследователи утверждают, что общество неизбежно изменится (вместе с интернетом),

с другой стороны, само понимание общества, чтобы меняться, должно сохранять инстанцию консервативности¹.

Указанные парадоксы могут показаться недостаточно обоснованными для более классических дисциплинарных подходов, но они допускаются, и в рамках данного обзора я соотношу это именно со структурой организаций, занимающихся интернет-исследованиями. Эти организации принадлежат к академическому миру, но сформировались в 1990-2000-х, когда публичная отчетность и влияние, а также востребованность в бизнесе и государственном управлении считались (и продолжают считаться) положительными характеристиками. Из-за специфической структуры направление интернет-исследований не является научным в том смысле, что «внутренняя» и «внешняя» коммуникация о своем предмете не происходит на принципиально разных языках².

Вернусь к началу этой статьи. Даже если интернет растворится в сотнях практик, в нашей жизни останутся последствия его существования: изменение границ приватного и публичного, упрощенный доступ к высказываниям и поиску информации. «Зонтичное» понятие интернета, слишком поверхностное для классических наук, оказалось зафиксировано в интернет-исследованиях со специфичным типом знания. С немалой вероятностью, это направление не переживет своего объекта, но станет базой для понимания, во-первых, изменений, происходящих с людьми и организациями, называемыми сегодня обществом, а во-вторых, с нашим знанием об этом изменении. Фактически, интернет-исследования — это способ фиксации знания об изменениях, происходящих сегодня, которое пригодится нам в будущем.

Во многом именно изучение происходящего в интернете легло в основу наук о данных и взаимодействии с искусственным интеллектом. Но если оба последних направления «спокойно существуют» вне всякой связи с «обществом»³, то интернет-исследования

1 Для утверждения изменчивости нам нужно признать, что есть некоторая стабильная (некогда) структура/явление. В данном случае стабильность — на стороне общества, которое претерпевает изменения в связи с интернетом.

2 Уже в заключении, я спекулятивно предположу, что это связано не со снижением эпистемологических барьеров (хотя и с ним тоже), но в большей степени с тем, что структура информации, существующая в современной ситуации, не делает все опубликованное автоматически доступным для широких групп. Кроме того, интернет-исследования основаны на тех направлениях социальных наук, которые сами по себе возникли в результате долгого процесса создания научных гибридов (как например, communication studies).

3 Кроме разве что центра Data and Society, который возглавляет дана бойд.

кажутся последним оплотом рефлексии этой связи. Возможность критического отношения к «цифровому», «данным», «экономике знаний» и прочим подобным понятиям, странным, почти противоестественным способом продолжает существовать в рамках интернет-исследований. У организаций, занятых интернет-исследованиями, критическая позиция по поводу своего предмета сохраняется в гораздо в большей степени, чем у институций, казалось бы, менее встроенных в капиталистическую систему представления знания.

Возможно, дело в том, что интернет-исследования — это не наука, а исследовательское направление, которое только и рефлексивует, что собственную постоянную трансформацию и не-завершенность [Wellman, 2003, Markham, 2005, Livingstone, 2005]. Моменты «снижения гибкости», кодификации (например, появление хэндбуков) объясняются или спецификой самого объекта, или внешними (социальными или методологическими) запросами. Можно предположить, что интернет-исследования «помогают» другим исследователям или «обществу» найти ответы на комплексные вопросы, которые возникают в связи с интернетом и изменениями, которые фиксируются и на уровне здравого смысла, и в исследованиях социальных ученых — например, о приватности, неравенстве, отношениях в семье, политической мобилизации. Отдельный вопрос заключается в том, почему это направление возникло внутри социальных наук, и восполняет ли оно недостаточность внутри них или представляет собой возможный отдельный способ существования знания.

88

Библиография

Абрамов Р.Н., Брукмайер К., Гаврилов К.А., Девятко И.Ф., Зотов А.А., Катерный И.В., ... Сапов В.В. (2015) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*.

Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. (2018) «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (143).

Гребер Д. (2016) *Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Колозариди П.В. (2015) Утопия и идеология в исследованиях Интернета. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5 (129).

Лиотар Ж.Ф. (1998) *Состояние постмодерна*; пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии.

Маклюэн М. (2004) *Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры*. Киев: Ника-Центр, Эльга.

- Рыков Ю., Нагорный О. (2017) Область интернет-исследований в социальных науках. *Социологическое обозрение*, 16(3).
- Aouragh M., Alexander A. (2011) The Arab spring| the Egyptian experience: Sense and nonsense of the internet revolution. *International Journal of communication*, 5, 15.
- Bacci M. (2017) Credibility, expertise and the challenges of science Communication 2.0. *Public Understanding of Science* 26(8): 890–893.
- Baron N.S. (2005) Who wants to be a discipline? *The Information Society*, 21(4): 269–271.
- Bastow S., Dunleavy P., Tinkler J. (2014) *The impact of the social sciences: how academics and their research make a difference*. Sage.
- Berners-Lee T., Hall W., Hendler J.A., O'Hara K., Shadbolt N., Weitzner D.J. (2006) A framework for web science. *Foundations and Trends® in Web Science*, 1(1): 1-130.
- Boyd D., Crawford K. (2012) Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, communication & society*, 15(5): 662-679.
- Cook S.D., Brown J.S. (1999) Bridging epistemologies: The generative dance between organizational knowledge and organizational knowing. *Organization science*, 10(4): 381-400.
- Dutton W. (2013) Internet studies: The foundations of a transformative field. *The Oxford handbook of internet studies*. Oxford University Press.
- Epstein D., Katzenbach C., Musiani F. (2016) Doing internet governance: practices, controversies, infrastructures, and institutions. *Internet Policy Review*.
- Ess C., Consalvo M. (2011) Introduction: What is “Internet Studies”? *The handbook of internet studies*: 1-8.
- Flichy P. (2007) *The internet imaginaire*. MIT press.
- Jasanoff, S. (Ed.) (2004) *States of knowledge: the co-production of science and the social order*. Routledge.
- Kakoli, M. (2017) *Is there a gap between the scientific and non-scientific community?* Available at: <https://www.editage.com/insights/is-there-a-gap-between-the-scientific-and-non-scientific-community>
- Lavis J.N., Robertson D., Woodside J.M., McLeod C.B., Abelson J. (2003) How can research organizations more effectively transfer research knowledge to decision makers? *The Milbank Quarterly*, 81(2): 221-248.
- Lievrouw L.A. (1990) Communication and the social representation of scientific knowledge. *Critical Studies in Media Communication*, 7(1): 1-10.
- Lievrouw L.A., Livingstone S. (Eds.) (2002) *Handbook of new media: Social shaping and consequences of ICTs*. Sage.
- Livingstone S. (2005) *Critical debates in internet studies: reflections on an emerging field*. London: LSE Research Online. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/1011>
- Mansell R. (2012) *Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance*. Oxford University Press.
- Markham A.N. (2005) Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies. *The Information Society*, 21(4): 257-267.

- Marwick A.E., Boyd D. (2011) I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New media & society*, 13(1): 114-133.
- Morozov E. (2012). *The net delusion: The dark side of Internet freedom*. PublicAffairs.
- Norman D.A. (1999) Affordance, conventions, and design. *Interactions*, 6(3): 38-43.
- Peng T.Q., Zhu J.J.H., Zhang L., Zhong Z.J. (2011) Mapping the Landscape of Internet Research: Text Mining of Social Science Journal Articles 2000–2009. *Joint Working Paper of the Faculty of Humanities and Arts, Macau University of Science and Technology, and the Web Mining Lab, Department of Media & Communication, City University of Hong Kong*.
- Pooly J. (2018) The Post-Program Era: The Rise of Internet & Society Centers—and a New Interdiscipline. *Culture Digitally*. Available at: <http://culturedigitally.org/2018/03/the-post-program-era-the-rise-of-internet-society-centers-and-a-new-interdiscipline/>
- Smith A.N., Fischer E., Yongjian C. (2012) How does brand-related user-generated content differ across YouTube, Facebook, and Twitter? *Journal of interactive marketing*, 26(2): 102-113.
- Suchman L.A. (1987) *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*. Cambridge university press.
- Vostal F. (2016) *Accelerating academia: the changing structure of academic time*. Springer.
- Wellman B. (2004) The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago. *New media & society*, 6(1): 123-129.
- Wellman B. (2011) Studying the Internet through the Ages. *The handbook of internet studies* Consalvo and Ess (eds.): 17-23.

References

- Abramov R.N., Bruckmeier K., Gavrilov K.A., Deviatko I.F., Zotov A.A., Katernyi I.V., Sapov V.V. (2015) *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliianiia i rekonfiguratsii*.
- Aouragh M., Alexander A. (2011) The Arab spring| the Egyptian experience: Sense and nonsense of the internet revolution. *International Journal of communication*, 5, 15.
- Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V., Iugai E.F., Belianin S.V., Gavrilova M.V (2018) “Peresborka mitinga”: internet v proteste i protest v internete. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1 (143).
- Bacci M. (2017) Credibility, expertise and the challenges of science Communication 2.0. *Public Understanding of Science* 26(8): 890-893.
- Baron N.S. (2005) Who wants to be a discipline? *The Information Society*, 21(4): 269-271.
- Bastow S., Dunleavy P., Tinkler J. (2014) *The impact of the social sciences: how academics and their research make a difference*. Sage.
- Berners-Lee T., Hall W., Hendler J.A., O'Hara K., Shadbolt N., Weitzner D.J. (2006) A framework for web science. *Foundations and Trends® in Web Science*, 1(1): 1-130.
- Boyd D., Crawford K. (2012) Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, communication & society*, 15(5): 662-679.

- Cook S.D., Brown J.S. (1999) Bridging epistemologies: The generative dance between organizational knowledge and organizational knowing. *Organization science*, 10(4): 381-400.
- Dutton W. (2013) Internet studies: The foundations of a transformative field. *The Oxford handbook of internet studies*. Oxford University Press.
- Epstein D., Katzenbach C., Musiani F. (2016) Doing internet governance: practices, controversies, infrastructures, and institutions. *Internet Policy Review*.
- Ess C., Consalvo M. (2011) Introduction: What is "Internet Studies"? *The handbook of internet studies*: 1-8.
- Flichy P. (2007) *The internet imaginaire*. MIT press.
- Graeber D. (2016) *Utopiia pravil: o tekhnologiiakh, gluposti i tainom obaianii biurokratii*. M.: Ad Marginem Press.
- Jasanoff, S. (Ed.) (2004) *States of knowledge: the co-production of science and the social order*. Routledge.
- Kakoli M. (2017) *Is there a gap between the scientific and non-scientific community?* Available at: <https://www.editage.com/insights/is-there-a-gap-between-the-scientific-and-non-scientific-community>
- Kolozaridi P.V. (2015) Utopiia i ideologii v issledovaniakh Interneta. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 5 (129).
- Lavis J.N., Robertson D., Woodside J.M., McLeod C.B., Abelson J. (2003) How can research organizations more effectively transfer research knowledge to decision makers? *The Milbank Quarterly*, 81(2): 221-248.
- Lievrouw L.A. (1990) Communication and the social representation of scientific knowledge. *Critical Studies in Media Communication*, 7(1): 1-10.
- Lievrouw L.A., Livingstone S. (Eds.) (2002) *Handbook of new media: Social shaping and consequences of ICTs*. Sage.
- Livingstone S. (2005) *Critical debates in internet studies: reflections on an emerging field*. London: LSE Research Online. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/1011>
- Lyotard J.F. (1998) *Sostoianie postmoderna*. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii.
- Mansell R. (2012) *Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance*. Oxford University Press.
- Markham A.N. (2005) Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies. *The Information Society*, 21(4): 257-267.
- Marwick A.E., Boyd D. (2011) I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New media & society*, 13(1): 114-133.
- McLuhan M. (2004) *Galaktika Gutenberga. Sotvorenje cheloveka pechatnoi kul'tury*. Kiev.: Nika-Tsentr, El'ga.
- Morozov E. (2012). *The net delusion: The dark side of Internet freedom*. PublicAffairs.
- Norman D.A. (1999) Affordance, conventions, and design. *Interactions*, 6(3): 38-43.
- Peng T.Q., Zhu J.J.H., Zhang L., Zhong Z.J. (2011) Mapping the Landscape of Internet Research: Text Mining of Social Science Journal Articles 2000-2009. *Joint Working*

Paper of the Faculty of Humanities and Arts, Macau University of Science and Technology, and the Web Mining Lab, Department of Media & Communication, City University of Hong Kong.

Pooley J. (2018) The Post-Program Era: The Rise of Internet & Society Centers—and a New Interdiscipline. *Culture Digitally*. Available at: <http://culturedigitally.org/2018/03/the-post-program-era-the-rise-of-internet-society-centers-and-a-new-interdiscipline/>

Rykov Iu., Nagornyi O. (2017) Oblast' internet-issledovaniy v sotsial'nykh naukakh. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 16(3).

Smith A.N., Fischer E., Yongjian C. (2012) How does brand-related user-generated content differ across YouTube, Facebook, and Twitter? *Journal of interactive marketing*, 26(2): 102-113.

Suchman L.A. (1987) *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*. Cambridge university press.

Vostal F. (2016) *Accelerating academia: the changing structure of academic time*. Springer.

Wellman B. (2004) The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago. *New media & society*, 6(1): 123-129.

Wellman B. (2011) Studying the Internet through the Ages. *The handbook of internet studies* Consalvo and Ess (eds.): 17-23.

92

Рекомендация для цитирования/For citations:

Колозариди П.В. (2018) Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания. *Социология власти*, 30 (3): 69-92.

Kolozaridi P.V. (2018) Internet Studies: Historical Review and Analysis of the Knowledge Production. *Sociology of Power*, 30 (3): 69-92.

Поступила в редакцию: 20.09.2018; принята в печать: 28.09.2018